МЭРИ ТУЗ

ЦВЕТЫ НЕ ОТ МУЖА

Мэри Туз
Цветы не от мужа

https://litres.ru/74745432
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет я была идеальной женой: готовила ужины, тянула работу и терпела наглых родственников мужа, которые приехали в гости «на недельку». Я наизусть знаю, что мой муж любит на ужин.

А он, как выяснилось, забыл, чего мне смертельно нельзя.

На следующее утро я очнулась в больнице. На подоконнике стояли кремовые розы — точь-в-точь как на нашу годовщину. Я позвонила ему, чтобы поблагодарить.

— За какие цветы? — равнодушно спросил он.

Чуть позже на телефоне высветилось сообщение с неизвестного номера:

«Розы успели привезти до того, как вы проснулись?»

Я перечитала сообщение несколько раз. Кто это пишет? Как он знает где я?

Оказалось, что человек по ту сторону экрана помнил меня десять лет.

Легкий любовный роман, где герои не сомневаются и не ищут подвоха, а доверяют той искре, что возникла между ними.

· Измена и развод · Встреча через время · Он влюблен давно

· Второй шанс на счастье · Взрослые герои · Тайна прошлого · Хэппи-Энд#

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 21
Глава 4 28
Гл 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Мэри Туз
Цветы не от мужа

Глава 1

За сорок минут до конца рабочего дня Снежана зачем-то присылает мне фотографию пустой немытой сковородки.

«Гошка котлеты доел. Спрашивает, есть ли ещё».

Полная сковородка котлет была. Несколько из них я с утра переложила в контейнер. Паша вчера поздно пришёл из бюро и поужинал бутербродами. Хотелось, чтобы сегодня поел нормально.

«А в контейнере с синей крышкой тоже ничего нет?»

«Гоша с собой забрал. Маш, а что вечером будем жрать?»

Ставлю смартфон на блокировку. Можно я хотя бы десять минут поживу без вопроса, что мы едим? Надоело просто уже. Может, их на глисты проверить? А то такими темпами скоро в ход пойдет сама сковородка. Ужас.

— Маш, мы в бар после работы. Ты с нами?

Лена вырывает меня из мыслей своим вопросом, стоит у моего стола с кружечкой кофе и пытается уговорить меня пойти в этот раз.

— Я домой. Меня муж ждёт.

— Идете куда-то?

— Нет, просто ждет дома. Там ужин надо еще приготовить.

Лена отпивает из кружки.

— А где у вас плита, он знает?

Я смеюсь и сразу зачем-то начинаю объяснять, что Паша тоже устаёт, что у нас гости и на четверых всё равно надо кому-то готовить.

— Они же на неделю приехали погостить, — говорит Лена.

— Вот видишь, какая у тебя хорошая память.

Когда двоюродная сестра Паши приехала к нам в Питер на Гошины каникулы, я сама освободила ей ящик в комоде. Снежана ещё отмахнулась: «Маша, да зачем, мы на недельку, пусть все побудет в чемодане».

Через два месяца чемодан всё ещё стоит у шкафа. Теперь на нём сушатся её джинсы, потому что на сушилке висят Гошины вещи.

Я уже по звуку различаю, кто из них ночью встал на кухню. Гоша открывает холодильник и подолгу стоит перед ним как зомби, босой, в одних шортах. Позавчера я застала его в три ночи и спросила, чего он там ищет.

— Да я сам разберусь, тёть Маш, — буркнул он.

И прикрыл дверцу, а когда я уходила, снова ее открыл.

Вчера я постирала его толстовку. Сегодня он снял её с сушилки.

— О, высохла.

И пошёл одеваться. Видимо, толстовка сама догадалась, что он в ней гулять собирается. Ни спасибо тебе. Ничего, просто «О, высохла». Подросток, что с него возьмёшь.

— Один вечер, Маш, ну давай, — уговаривает Лена. — У тебя же семеро по лавкам не сидят.

Трое. И я сейчас запросто могу перечислить, кто из них что не ест.

Мне хочется сесть в баре, заказать какой-нибудь коктейль, не важно алкогольный или без и остаться там, пока самой не захочется домой. Я даже толком не помню, когда в последний раз отдыхала.

Весной нашла домик у озера на две ночи, с купелью, грилем, баней, террасой. А до воды вообще пять минут. Красота. То, что доктор прописал. Паша сказал, давай ближе к лету, когда потеплеет. Потеплело. По субботам мы теперь показываем Снежане красоты Петербурга и Лен области.

А раньше мы с Пашей по выходным готовили завтрак вдвоём. Он жарил яйца, я резала помидоры, и мы спорили, куда пойдём. Иногда он ещё на недели присылал мне афишу выставки и писал «В субботу ты моя, зайка».

На прошлой неделе я прислала ему несколько вариантов выставок. Он посмотрел цену билетов и сказал, что денег пока нет. Я и сама знаю, сколько у нас уходит на продукты. Снежана не работает, живёт на алименты на сына Гошу. Здесь, если надо за что-то заплатить, Паша обычно говорит ей: «Да ладно, Снеж, свои же». А потом мы с ним решаем, на чём

еще можно сэкономить до следующего месяца.

Я скучаю по нему, хотя он каждую ночь спит рядом. Уже десять лет как.

На днях он обнял меня на кухне, поцеловал в шею, прижался ко мне сзади, и я почувствовала себя снова нужной и любимой. Мы хотели друг друга здесь и сейчас — прямо на кухне, на столе, да где угодно. Воздух, между нами, мгновенно стал горячим, а сердце забилось от этого давно забытого, острого чувства.

И тут откуда ни возьмись выскочил Гоша и прокричал, где его зарядка от ноута.

Звук его голоса подействовал как ушат ледяной воды. Паша тут же отстранился, поправляя футболку, и пошел искать эту чертову зарядку. Момент был упущен. Огонек страсти, едва успев разгореться, безжалостно погас, оставив после себя лишь горький привкус разочарования и глухую обиду.

— Я в следующий раз схожу с вами, Лен.

— Если передумаешь, присоединяйся, будем рады.

Она уходит, а я смотрю на экран телефона. Над Снежаниным сообщением висит новое. От моего начальства.

«Мария, зайдите ко мне перед уходом».

Перед уходом. Я уже привыкла, что к концу дня у начальника вдруг появляются вопросы к отчёту. Обычно, когда в отделе почти никого не остаётся. «Давайте продолжим где-нибудь ещё, Мария. Засиделись мы с вами в офисе». Я отвечала, что пришлю правки утром, и бралась за сумку.

В прошлый четверг он сказал, что уже заказал столик.

— Меня муж ждёт.

— Знаю. Скажите ему, что задержитесь по работе.

Он улыбнулся. Я тоже чуть не улыбнулась, по привычке. Чтобы ему было проще сделать вид, что он просто пошутил.

— Если есть вопросы к отчёту, давайте обсудим их здесь, — сказала я. — Ужинать с вами я не пойду.

— Понятно, Мария. Намеки вы не понимаете.

Утром он поздоровался со мной как обычно, и я решила, что мы наконец поняли друг друга.

Сейчас отчёт уже у него. Он сам поставил под ним «Согласовано», ещё до обеда. Значит, зовёт по другому поводу.

Две недели назад он спросил, готова ли я взять команду людей к себе в подчинение. Я сказала, что мне надо подумать. Вечером, пока Паша чистил зубы, стояла босиком в коридоре и шёпотом репетировала, как ему скажу: «Ведущий менеджер. Ну как тебе?»

Мне тридцать восемь. До сорокета рукой подать. Хочется уже хорошую должность. В нашей строительной фирме мне давно поручают проекты, по которым заказчики звонят даже по выходным. Я проводила какой раз самые сложные переговоры, делала презентации. Я бы справилась с командой.

Открываю вкладку с билетами, которую держу в телефоне с весны. Я никогда не была за границей. Уже знаю, в какие дни дешевле вылетать, и каждый раз останавливаюсь там, где надо выбрать даты. С прибавкой можно будет наконец начать

откладывать.

Иду к начальнику, и он ошарашивает меня.

— Мы сокращаем вашу должность, Мария.

— Как это, не поняла?

— Да. К вашей работе вопросов нет. Это решение по структуре отдела.

Он подвигает чашку, замечает на столе круглый след и смотрит внимательно куда угодно, только не мне в глаза. Трус, мерзавец.

— Вы же спрашивали про команду, я ждала повышения.

— На тот момент такой вариант рассматривался.

На тот момент. До четверга, пока я ему не отказала.

Я вспоминаю, как он улыбался, когда предлагал сказать Паше, что я задержусь по работе. Сейчас он смотрит куда-то мимо моего лица.

Неужели одного отказа хватило?

— А мои проекты кто возьмёт?

— Распределим внутри отдела, сделаем сотрудникам доплаты. Как-то так, Мария….

Я машинально думаю, что Кате нельзя отдавать проект «Север». У неё и так две сдачи в один день. Лене можно, только надо предупредить, что заказчик любит переносить сроки по телефону и лучше сразу отправлять письмо с подтверждением.

Уже собираюсь сказать. Закрываю блокнот.

— Я просто так уходить не собираюсь. Я хорошо работаю.

Вы сами только что сказали.

— Мы готовы выплатить три оклада, если разойдёмся по соглашению.

Он достаёт лист из стопки на столе и поворачивает ко мне. Внизу уже напечатано моё имя. Рядом пустая строчка.

— Можете подписать сейчас.

Глава 2

Я кладу ручку на стол.

— Мне нужно подумать.

Начальник чуть отодвигается. Видимо, рассчитывал, что мы управимся быстрее.

— Хорошо. Тогда вернёмся к разговору в понедельник.

Складываю лист пополам и убираю в сумку как мусор. У двери он окликает меня:

— Мария.

Оборачиваюсь. Он протягивает мне ручку.

Я шла сюда с блокнотом и ручкой. Боялась, что забуду записать что-нибудь важное, что пригодится мне для повышения.

Всё к чему я стремилась много лет – рушится так просто.

— Спасибо, — шепчу я и забираю её.

Девчонки ждут у лифта. Катя уже в куртке, Лена держит её сумку, пока та застёгивается.

— Ну что? — спрашивает Лена.

— Меня хотят сократить.

Катя дёргает молнию. Бегунок заедает, и она так и оставляет куртку наполовину застёгнутой.

— Тебя? Он же сегодня согласовал твой отчёт.

— К моей работе вопросов нет. Он так и сказал.

Лена поворачивается к двери кабинета.

— Подожди. Он сам тебя вызвал перед уходом, чтобы это сказать?

— Да. Я думала, поговорим о повышении. А помнишь, я в прошлый четверг задержалась с отчётом? Он столик заказал. Предложил сказать Паше, что я задержусь по работе.

— Столик? — переспрашивает Катя. — Вдвоём с тобой?

Я киваю.

— Он и раньше предлагал продолжить отчёт где-нибудь ещё. В четверг я прямо сказала, что ужинать с ним не пойду.

— Маш, он же прекрасно знает, что ты замужем, — говорит Лена.

— Знает.

Катя сжимает в руке так и не застёгнутую молнию.

— И сегодня говорит, что тебя сокращают? Просто вот так?

Я киваю ещё раз. В кабинете я только и думала, как бы голос не дрогнул. Тут, у лифта, приходится на секунду отвернуться.

Катя забирает у Лены сумку.

— Идём с нами, Маш.

Первая мысль — домой. Закрыться в ванной, уткнуться щекой в раковину, включить воду и поплакать, пока никто не слышит. Мне всегда это помогало.

Минут через пять постучит Гоша. Ему срочно надо будет причесаться перед свиданием, и я открою.

— А помните ресторан, про который я рассказывала? —

говорит Катя. — Тут недалеко. Если прийти пораньше, можно сесть у окна.

— Это где тебе принесли три равиоли? — уточняет Лена.

— Четыре, но какие обалденные. Пальчики оближешь.

Я смеюсь. И тут же чувствую, как щиплет в носу. Дурацкий день.

Двери лифта открываются, и я предлагаю.

— Давайте в ресторан. Счёт поделим.

— Сегодня мы угощаем, — говорит Лена. — В следующий раз с тебя.

В следующий раз. Приятно, что она так говорит. Будто в понедельник мы снова сядем рядом, нальем в обед чайку с печеньками, похохочем всем отделом над очередной сплетней.

Паше звоню уже на улице.

— Ты где? — спрашивает он.

— Только вышла. Паш, меня сократили.

На том конце сразу тихо. Даже телевизор перестаёт бормотать.

— Как сократили, зай? Ты же говорила, тебя повысят.

От этого «зай» мне вдруг хочется домой по-настоящему. К нему. Сесть рядом и рассказать, как я притащилась к начальству в ожидании того самого повышения. Паша видел, сколько я работала. Поймёт, почему мне так обидно.

— Я тоже так думала. В выходные всегда на связи была, чужую работу доделывала, даже доплату не просила за это.

И вот.

— Ну ты пока не переживай. Дома поговорим. Ты скоро?

— Мы с девчонками идём в ресторан.

— В ресторан? Маш, тебя только что сократили. Какой ресторан?

Катя придерживает дверь в переход. Люди идут мимо неё, а она всё стоит и ждёт меня.

— Я за пять лет с девчонками никуда не сходила, Паш. Сегодня очень хочу.

— А ужин? Гошка скоро придёт. Снежана говорит, дома ничего нет поесть.

Хотела предложить поесть пельмени, но прикусила язык. Если скажу, он тут же спросит, сколько их варить. Потом выяснится, что сметаны мало или она возможно скисла, потому что пахнет как-то не так, и начнется унылое выяснение, кто должен был зайти в магазин. А в финале, как обычно речь перейдет в лекцию о том, что пельмени вредно есть из-за глютена в тесте, да и мясо в них наверняка из туалетной бумаги.

— Приготовь что-нибудь. Или закажи.

— Ну ты даёшь. Скоро ты мне и готовить перестанешь.

Я жду, что он засмеётся. Он ждёт, что засмеюсь я.

— Паш, я правда сегодня устала.

Он тяжело выдыхает.

— Ладно. Закажу доставку. Напишешь, как выйдешь?

— Напишу.

Спускаюсь в переход. У стены сидит мужчина с картонным стаканчиком. Я бы, наверное, прошла мимо, если бы не длинное серое пальто.

Лет десять назад я видела похожее пальто на мосту у Петропавловской крепости. Перед мужчиной на картонке лежали маленькие вязаные игрушки. Рядом стоял стаканчик с надписью «На покушать». Я тогда смотрела на его руки без перчаток и думала, где он будет ночевать.

Уже темнело, холодало, а он сидел и никуда не собирался.

Тогда мне трудно было представить, как человек остаётся совсем без средств к существованию, без дома. Утром у меня была работа и планы на лето, в целом на жизнь. Сейчас в сумке лежало соглашение о расторжении трудового договора, на котором всё это уместилось в три оклада.

— Маш, ты идёшь? — окликает меня Катя.

— Иду, иду.

* * *

В ресторане мы садимся у окна. Я снимаю жакет и замечаю в окне, что мужчина за соседним столиком смотрит прямо на меня.

Оборачиваюсь. Широкие плечи, тёмные волосы с сединой у висков. Пока я разглядываю его руку, лежащую на ножке бокала, он улыбается. На щеках появляются ямочки.

Господи, какой красивый.

Я отвожу глаза, заправляю за ухо светлую прядь. Она тут же падает обратно. Неделю назад подстриглась, а руки до сих

пор ищут, куда убрать это каре.

— Маш, садись, — говорит Катя и забирает у меня жакет.

Раскрываю меню. Смотрю на одну строчку, на другую. Поднимаю глаза раньше, чем успеваю решить, буду ли вообще на него смотреть.

Он всё ещё смотрит.

— Ты что будешь? — Катя наклоняется ко мне через стол. Музыка такая громкая, что ей приходится почти кричать.

— Рыбу, наверное.

— Ты открыла десерты. Тут нет рыбы.

Переворачиваю страницу. Вот бы сесть к нему спиной. С другой стороны, я бы тогда весь вечер гадала, смотрит ли он ещё.

Когда приносят горячее, Лена рассказывает, как однажды оставила меня разговаривать с важным финским клиентом, а сама спряталась в туалете.

— Он из Выборга оказался, Маш. Это наш водитель был.

Я смеюсь и опять чувствую его взгляд. И ведь знаю, что сейчас будет. Всё равно поворачиваюсь.

Он смотрит мне прямо в глаза. Я ещё улыбаюсь после Лениной шутки, а он улыбается в ответ. Будто это он меня рассмешил.

— Господи, Маш, — шепчет Лена. — Он явно на тебя глаз положил.

— Я заметила.

— Да он даже не моргает, — говорит Катя, прикрывая рот

салфеткой.

— Раздевает глазами, — добавляет Лена.

Хочется провалиться сквозь землю. И пожалуйста, чтобы он в этот момент смотрел в другую сторону. Я отворачиваюсь и чувствую, как у меня горят уши.

Тут официант ставит перед нами бутылку вина.

— От мужчины за соседним столиком.

Официант разливает вино. Незнакомец приподнимает бокал, и я отвечаю ему тем же. Потом пробую вино и на какое-то время снова втягиваюсь в разговор. Но стоит Кате пошутить и мне улыбнуться, как я опять поворачиваюсь к нему. Он ловит мой взгляд. Щёки теперь горят вместе с ушами.

— Ты покраснела, — говорит Катя.

Лена отодвигает бутылку.

— Всё. Маше больше не наливать.

— Я один бокал выпила.

— Вот именно, — шепчет Лена и косится на соседний столик.

Смотрю на неё, и мы обе прыскаем. Только я тут же вспоминаю, что он, наверное, опять на меня смотрит. Опять проверяю. Ну, конечно.

— Я замужем, — говорю я.

Лена тихонько кивает на соседний столик.

— Мы в курсе.

Беру бокал правой рукой и ставлю так, чтобы было вид-

но кольцо. Кольцо видно отлично. В тридцать восемь лет сижу и показываю незнакомому мужчине палец, потому что не знаю, куда девать глаза.

Он замечает. Улыбка сходит с лица, и на секунду он кажется мне расстроенным. С чего бы? Мы ни слова друг другу не сказали.

К десерту я успеваю убедить себя, что теперь можно спокойно поесть. Потом замечаю, как он кладёт нож и просит счёт, будто хочет перейти к решительному действию. Поэтому я сразу заказываю такси. Пока надеваю жакет, дважды попадаю мимо рукава. Лена хочет помочь, но я уже справилась.

На улице похолодало. Такси ждёт у поребрика. Сверяю номер, открываю заднюю дверь и достаю телефон, чтобы написать Паше.

— Мария! Подождите!

Оборачиваюсь. Он на ступеньках, с пиджаком в руке. Из-за стола я видела только плечи. Теперь замечаю, какой он высокий. Он спускается на одну ступеньку, а я сажусь в машину быстрее и закрываю дверь.

— Адрес верный? — спрашивает водитель.

Киваю. На экране открыт чат с Пашей. Я ведь собиралась написать, что выехала.

Может, незнакомец услышал моё имя, когда девчонки спрашивали? Да как бы он его услышал? Там музыка играла так громко, что я сама дважды переспрашивала Катю, хотя она сидела рядом.

Такси уже сворачивает за угол, а я всё ещё смотрю через заднее стекло.

Кто он такой? Откуда он знает моё имя?

Глава 3

Такси уже въезжает во двор, когда я наконец отправляю Паше сообщение.

Он тут же отвечает: «Ждем. Пицца тоже ждёт».

Убираю телефон. Я почти всю дорогу придумывала, как расскажу ему про мужчину из ресторана. В самой удачной версии мы с Пашей смеялись. В самой правдоподобной он спрашивал, зачем я пила вино, которое купил незнакомый человек.

Выхожу из машины и слышу писк.

У подъезда сидит мужчина в расстёгнутой куртке. Между ботинками у него картонная коробка, из неё торчит полотенце.

— Котёнка не хотите? — спрашивает он.

Я заглядываю. В коробке трое котят, крошечных совсем, месяца два, не больше. Двое спят, третий пытается выбраться. Серый, с одной белой лапкой. Цепляется за картон, подтягивается, и тут коробка под ним сгибается. Успеваю подставить руку.

— Вот этот самый энергичный, деловая колбаса, — говорит мужчина. — Остальные хоть спят иногда.

Котёнок усаживается у меня на ладони. Тёплый, смешной до невозможности. Я подношу его ближе, и он цепляется за рукав жакета. Теперь мы оба в затруднительном положении.

Он не знает, как вытащить коготь, а я не особенно хочу ему помогать. Хочется подольше подержать, до чего же он милый.

— Возьмите, — говорит мужчина. — Смотрите, как устроился хорошо.

Я уже думаю, куда дома поставить миску. Потом вспоминаю, что Паша сказал весной, когда я показала ему объявление на авито с котятами. «Маш, только давай без этого».

Аккуратно высвобождаю рукав и опускаю котёнка обратно на полотенце. В кошельке нахожу тысячу.

— Возьмите им на корм.

— Вы уверены?

— Да, — говорю я. — Им ещё расти и расти.

Он благодарит, складывает купюру и по-доброму смотрит на меня. Серый опять лезет через край. Я придерживаю картон, пока мужчина поправляет полотенце.

На секунду мне кажется, что кто-то смотрит на меня детской площадки. Поднимаю голову. Такси уже уехало, у соседнего подъезда горит свет. Я стою с рукой на коробке и ловлю себя на том, что ищу глазами мужчину из ресторана.

Господи, Маша. Домой иди лучше.

* * *

Паша встречает меня в коридоре.

— Ну как, отдохнула?

Спрашивает с такой интонацией, будто мне теперь полагается сказать «прости».

— Да, — отвечаю я.

Он, кажется, ждал чего-то подлиннее. Стоит, смотрит, как я снимаю туфли.

— Паш, там у подъезда котята. Один такой маленький, с белой лапкой. Давай возьмём?

— Куда?

— Сюда, куда же еще.

— Маш, он мебель испортит.

Я смотрю на тумбочку, у которой дверца держится на одной петле. Паша обещал её прикрутить ещё до того, как приехала Снежана. Теперь я просто придерживаю дверцу коленом, когда достаю обувь.

— Какую мебель, Паш?

— Да дело даже не в мебели. Запах будет. Лоток кто мыть будет?

Я смотрю на него. Он и сам прекрасно знает ответ.

— Тебя сегодня сократили, — говорит он. — На какие деньги ты собралась его кормить? Мне тут лишние рты не нужны.

Из-за перегородки слышится смех Снежаны. Она с кем-то разговаривает по телефону. Гоша, судя по звуку, опять открывает холодильник.

— Раз уж мы заговорили про лишние рты, — говорю я, — когда Снежана с Гошей домой собираются? Загостились уже.

Паша мгновенно понижает голос.

— Тише, ты с ума сошла. Услышат же.

— Пусть слышат. Я у себя дома, Паш. Почему я должна шептать?

Он оглядывается на дверь в комнату. Мне хочется взять его за руку и повернуть к себе. Я здесь. Я с тобой разговариваю.

— Они погостили, — говорю я. — Два месяца. Я хочу знать, когда мы снова будем жить вдвоём.

— Ну и что мне ей сказать? «Снежана, собирай чемодан, Маша устала»?

— Скажи, что ты тоже хочешь пожить с женой вдвоём.

Паша открывает рот. И молчит. Я бы предпочла, чтобы он опять сказал «тише». Только не игнор.

— Я каждый день готовлю на четверых, — говорю я уже тише сама. — Стираю, убираю. В воскресенье я три раза разогревала себе один и тот же кофе, понимаешь? Сначала Гоша попросил завтрак, потом Снежана искала фен. В третий раз ты спросил, почему в ванной нет чистого полотенца. Ты хоть помнишь?

— Я тоже устаю, Маш.

— Я знаю. Я просто спрашиваю, помнишь ли ты, замечаешь ли ты такие вещи.

Он проводит ладонью по лицу, показывая усталость от разговора.

— На мне, между прочим, теперь будет весь бюджет. Ты об этом подумала?

— Я буду искать работу.

— Ой, Маш, я тебя умоляю. Сколько ты повышения ждала? А тут, думаешь, за неделю что-то найдёшь? Даже если найдешь, то будешь за копейки работать, как и раньше.

Мне до боли, до слез хотелось крикнуть ему вслед совсем другое. Мне хотелось ответить, что начальник уже готов был дать мне команду на увольнение. Что дело, возможно, было в одном ужине с начальником, на который я отказалась идти. Хотелось рассказать про его липкие приставания и сальные намеки.

По дороге домой я несколько раз начинала этот разговор с Пашей у себя в голове. Там он обнимал меня, сопереживал и спрашивал, почему я молчала раньше. Мы вместе пили чай и думали, что делать в понедельник с этим соглашением. Может подумали бы о трудовой инспекции.

Сейчас я просто ставлю сумку на пол.

— Спасибо, что веришь в меня.

Паша вздыхает. Из комнаты выходит Гоша с пустой кружкой. Глядит на меня, на Пашу и проходит на кухню боком, чтобы никого не задеть.

Паша ждёт, пока зашумит вода.

— Ладно, зайка. Пойдём поешь. Я тебе оставил еды.

* * *

На кухне возвышаются горой пять коробок пицц. Две раскрыты, третья стоит на подоконнике. Паша снимает с табуретки свою толстовку и кивает мне, чтобы я села.

— Пять по цене трёх, — говорит он. — Гошка две умял.

Я ему сказал, эту не трогай, она для Маши.

Открывает коробку и перекладывает кусок на тарелку. Потом достаёт из ящика салфетку, кладёт рядом. Как раньше, когда я возвращалась поздно и он ставил ужин передо мной, даже если мы весь вечер ругались в сообщениях.

Наверное, со стороны это смешно. Минуту назад я просила его сказать двоюродной сестре, что ей пора домой. Сейчас мне хочется расплакаться оттого, что он оставил мне два куска пиццы.

— Спасибо, — говорю я и сажусь.

— Ешь. С грибами, как ты любишь.

Я откусываю. И правда вкусно. Край ещё хрустит, а сыр приятно растягивается. Паша пододвигает ко мне салфетку поближе.

— Ничего сгоряча не подписывай, ладно? — говорит он. —Сначала вместе посмотрим, что тебе дали.

Киваю. Вот это я и хотела услышать от него ещё по телефону.

Делаю второй укус. Горло начинает греть.

— Она острая, что ли?

— Да нет, я острые не брал.

Паша наливает мне воды. Делаю глоток и жду, что станет легче. Горло печёт сильнее. Пытаюсь сглотнуть ещё раз. Такое ощущение, будто там застряла крошка, только вода её никак не смывает.

— Маш, — говорит Паша. — У тебя губа такая странная.

Трогаю пальцами. Верхняя губа распухла, нижняя обычная. Такой контраст. Я сразу понимаю, что со мной что-то не так.

— Что в пицце?

Мой голос звучит так хрипло, что муж наклоняется ко мне.

— Что?

Тяну коробку к себе. Тарелка едет вместе с ней и звякает о край стола. На боку наклейка, по ней расползлось жирное пятно. Паша придерживает коробку, читает вслух:

— Сыр, томаты, шампиньоны… Подожди, тут мелко.

Он поворачивает её к свету.

— Креветки.

Смотрю на него. Мне хватает сил сказать только:

— Ты же знаешь.

Паша переводит взгляд с коробки на меня.

— Ой, Маш. Я забыл.

Я тянусь к его руке. Хочу сказать, чтобы он вызвал скорую.

Открываю рот.

Вдохнуть не получается.

Глава 4

Кто-то берёт меня за руку. Я сжимаю чьи-то пальцы и только потом открываю глаза.

— Доброе утро, Мария. Давайте руку вот сюда положим.

Женщина в синей медицинской форме оборачивает манжету вокруг моего плеча. Я слежу за её руками и никак не могу понять, почему они двигаются так спокойно.

Где Паша? Почему я лежу?

Вспоминаю всё, ту наклейку на коробке. Креветки. Пашино «я забыл».

Набираю воздух. Он проходит свободно, и от этого у меня на глаза наворачиваются слёзы. Делаю ещё один вдох. Потом ещё.

— Вот и хорошо, — говорит медсестра, снимая манжету. — Как вы нас ночью напугали. Муж у вас молодец. Скорую сразу вызвал. Всё повторял, что у вас аллергия на креветки.

Я поворачиваю к ней голову.

— Вспомнил, значит.

Голос ужасный, низкий, сиплый. Голос Иришки чики-пики, не меньше.

Медсестра придерживает стакан, пока я пью. На этот раз вода проходит легко. Выпиваю почти весь стакан и только тогда замечаю цветы.

У окна стоит огромный букет. Кремовые розы, по краям

лепестков чуть розоватые. Их так много, что пришлось поставить в две вазы, вплотную друг к другу.

Паша.

На пятилетие свадьбы он подарил мне розы точно такого цвета. Прятал за спиной, пока разувался, а я из комнаты видела в зеркале, как он с ними возится. Сделала вид, что ничего не заметила. Ему очень хотелось меня удивить.

Тогда было девять штук. Сейчас я даже считать не берусь сколько в этот раз цветов. Это просто нереально сделать.

— Он давно ушёл? — спрашиваю я.

— Ночью ещё. Его домой отправили, когда стало понятно, что вам лучше. Телефон ваш он оставил. Вон на тумбочке.

Я тянусь за телефоном и только теперь замечаю, что в палате одна кровать. Есть кресло у окна, маленькая ванная за дверью. На спинке стула висят мои джинсы. И тихо так, что из коридора слышно, как кто-то размешивает ложкой чай.

— А почему я здесь одна?

— Вас утром перевели в вип палату. За нее уже заплатили.

Значит, Паша и это устроил. Вчера сказал, что на выставку денег нет, а ночью, выходит, сидел в приёмном и думал, как сделать, чтобы мне было спокойнее, когда я очнусь.

Медсестра выходит. Я открываю телефон. В общем чате от девчонок два утренних сообщения.

«Маш, ты как?» — спрашивает Лена.

«Напиши, когда проснёшься», — добавляет Катя.

Я собираюсь ответить, но сначала звоню Паше. Хочу

услышать его голос.

* * *

Он берёт трубку после первого гудка.

— Маш?

По тому, как он произносит моё имя, я понимаю, что он ждал звонка. И всё, что я собиралась ему сказать про пиццу, на секунду отступает.

— Я проснулась.

— Слава богу. Ты как? Дышишь нормально?

— Да.

Он выдыхает, долго, прямо в трубку.

— Ты вчера со стула сползла, — говорит он. — Я тебя держу, а ты на меня смотришь и сказать ничего не можешь. Я потом всю ночь глаза закрывал и опять это видел.

— Маш, я должен был проверить, — говорит он наконец. — Прости.

Мне хочется, чтобы он сейчас сидел рядом. Я бы, наверное, всё ещё злилась. Но придвинулась бы к нему, и мы бы обнялись, крепко-крепко.

— Спасибо за цветы, — говорю я.

— За какие цветы?

Смотрю на две вазы у окна.

— За розы. Кремовые, как на годовщину нашу. Стоят радуют глаз.

Жду, что он засмеётся и спросит, угадал ли с цветом. Он молчит.

— Я ничего не заказывал, Маш.

— А палату ты оплатил?

— Какую палату?

— Отдельную. Медсестра сказала, за неё уже заплатили.

Вот тут он смеётся.

— Так отлично, что оплатили. Какой-нибудь богатенький буратино за нас заплатил. Маш, радуйся, везуха нереальная.

— Паш, а тебе самому не интересно, почему так вышло?

— Да мне главное, что ты в себя пришла. И что счёт потом нам не выставят.

Я уже открываю рот, чтобы сказать про мужчину из ресторана. Он ведь назвал меня по имени. Прислал вино, хотя мы даже не разговаривали. Цветы тоже мог прислать он. Только откуда ему знать, где я нахожусь?

И я уже слышу, с чего начнёт Паша. «А почему ты вчера ничего не сказала?»

— Может, это от больницы? — спрашиваю вместо этого.

— Может. Спроси у них. Я бы пока просто порадовался.

На заднем плане слышу Снежану:

— Паш, ты ведь обещал со мной съездить. Я уже оделась.

— Секунду, Снеж.

Он прикрывает телефон ладонью. Жду. Я только что очнулась в больнице, и мы опять разговариваем урывками, пока Снежана стоит рядом и ждёт, когда он освободится.

— Ты приедешь? — спрашиваю я, когда он возвращается.

— Конечно. Ближе к вечеру заберу тебя.

— Я хочу, чтобы ты приехал и посидел со мной.

На этот раз пауза длиннее.

— Я постараюсь пораньше, зай.

Мы прощаемся. Кладу телефон на одеяло и смотрю на кресло у окна. Его можно было бы придвинуть к кровати. Я даже знаю, как Паша сел бы. Сначала опёрся бы локтями о колени, потом спросил бы, холодно ли мне, и накрыл бы мне ноги своим свитером.

Если бы приехал.

* * *

Снова открываю сообщения от девчонок. Может, они уже знают? Лена могла позвонить Паше, если я не ответила ей вчера. А если в курсе она, мог узнать и начальник. Представляю, как он велит заказать цветы от фирмы и заодно уточняет, приду ли я в понедельник.

Хотя с чего бы ему платить за мою палату? Вчера он и так предложил три оклада, чтобы я ушла без лишних разговоров.

Пишу в чат, что я в больнице. Лена звонит почти сразу.

— В какой больнице? Что случилось?

Рассказываю про пиццу. До слова «креветки» дохожу нормально, а на фразе «я не могла вдохнуть» голос опять садится.

— Я сейчас приеду, — говорит Лена.

— Лен, я уже нормально дышу. Просто испугалась.

— Ну вот я и приеду. Тебе что-нибудь привезти?

Она спрашивает так заботливо, что мне опять хочется плакать. Я всю неделю таскала продукты домой и по дороге вспоминала, кто что просил купить. А сейчас не могу сообразить, чего хочется мне самой.

— Зарядку, — говорю наконец. — У меня есть на работе, там в левом верхнем ящике. Если тебе удобно, конечно.

— Удобно. И носки возьму. В больнице вечно ноги мёрзнут.

Я все думаю о цветах и о палате. Может, здесь просто нашлась свободная палата, а медсестра что-то перепутала с оплатой. Только розы тогда откуда?

До окна три шага. На втором приходится придержаться за кресло. Вблизи цветы пахнут едва заметно. Между стеблями застрял край плотной бумаги. Тяну за него, уверенная, что наконец нашла открытку. Это кусочек упаковки. С обратной стороны прилип мокрый листок.

На тумбочке вибрирует телефон.

«Мария, как вы себя чувствуете?»

Номер незнакомый.

Я уже собираюсь ответить, что лучше, спасибо. Может, из больницы пишут? Какие-то инновации в сфере медицины, вип-палата и заодно сообщения о самочувствии. Не знаю даже.

Потом приходит второе сообщение.

«Розы успели привезти до того, как вы проснулись?»

Перечитываю оба смс. Ещё минуту назад мне хотелось

узнать, кто прислал цветы. Теперь мне хочется понять, откуда этот человек вообще знает, что со мной случилось.

Печатаю: «Кто вы? И откуда у вас мой номер телефона?»

Сообщение сразу прочитано. Вверху появляется «печатает», исчезает и появляется снова.

Потом телефон начинает звонить.

Тот же номер, что и в сообщении.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.